DOI: 10.17117/na.2015.10.04.297

Поступила (Received): 26.10.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.10.04.297.pdf>**Хугистова Ф.Ш.****Общая характеристика школьной политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.****Khougistova F.Sh.****General characteristic of a school policy in the North Caucasus in second half of XIX – the beginning of XX centuries**

Статья посвящена становлению и развитию школьного образования на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

Количественный рост школ в рассматриваемый период в значительной мере объяснялся определенной активностью царского правительства. В статье рассматриваются все типы учебных заведений, которые были призваны приобщить местное население к передовой русской культуре

Ключевые слова: школьная политика, учительская семинария, народная школа

The article is devoted to the formation and the development of school education in the North Caucasus in second half of XIX – the beginning of XX centuries. Appearing of a great number of schools during the considered period was explained by certain activity of the imperial government. In article all types of educational institutions which have been urged to attach local on-settlement to the advanced Russian culture are considered

Key words: school policy, teacher's seminary, national school

Хугистова Фатима Шамильевна

Кандидат педагогических наук, доцент
Владикавказский институт управления
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14

Khougistova Fatima Shamilevna

Candidate of Pedagogic Science, Associate Professor
Vladikavkaz institute of management
Vladikavkaz, Borodinskay st., 14

Кавказская школа являлась средством политики России с самого момента своего зарождения. Однако лишь в 60-х годах она стала объектом крупной политической цели, общие контуры которой наметил великий князь Михаил Николаевич, наместник Кавказа: «Народное образование является в здешнем крае, составленном из столь различных элементов народонаселения и вероисповедания, одним из самых действительных орудий для постепенного, хотя и медленного, но единственно верного устранения национальных и религиозных разнообразностей, и для слияния разновременного присоединенного к империи края, с общим государственным строем» [1]. В этих условиях школа призвана была выполнять политическую цель – воспитание детей и молодежи в духе верности престолу и православию. Делая ставку на школу в идеологизации жизни северокавказских народов, правительство допускало ее развитие в тех формах и масштабах, которые отвечали бы их интересам в школьной политике.

Из официальных данных видно, что в рассматриваемый период на Северном Кавказе определялась тенденция количественного роста школ, в том числе средних, педагогических, женских и других учебных заведений, что в значительной мере объяснялось определенной активностью самого правительства. Так, если в середине прошлого века на Северном Кавказе действовали только Ставропольская и Кубанская гимназии [2, с. 214], то в 1870 году к ним прибавились еще Владикавказская реальная гимназия, Кубанская учительская семинария и Пятигорская классическая прогимназия [3, с. 126]. Уже в 70 – 80-х годах здесь открылись Екатеринодарская, Владикавказская, Ставропольская, Ольгинская св. Александры и Ейская женские гимназии [4, с. 108]. Важную роль в развитии школ сыграло начавшееся в конце 50-х и начале 60-х годов в стране общественно-политическое и педагогическое движение, вынудившее правительство приступить к проведению школьной реформы [5, с. 547]. Пореформенный период был временем появления у горских народов первых светских школ, строивших свою работу на русском языке, местные же языки не были предметом изучения [6, с. 274].

К этому следует добавить и то, что на всем протяжении рассматриваемого периода система школьного образования на Северном Кавказе, хотя и становилась более разветвленной, продолжала оставаться сословно-классовой и малодоступной для детей неимущих граждан, в особенности в ее среднем звене. Так, в 1880 году дети князей и дворян в кавказских гимназиях составляли 60,7% [7, с. 613]. Что касается высших учебных заведений, то таковых здесь еще не было.

Также на Северном Кавказе открывались и школы военных воспитанников. Создание этих школ обуславливалось нежеланием детей князей и дворян поступать в духовные школы. Всего в Кавказской армии насчитывалось около 900 воспитанников. Желających же поступить в эти школы было много, так как воспитанники в них находились на полном государственном обеспечении. В «Положении», утвержденном императором Николаем I от 3 августа 1836 года говорилось, что целью школ военных воспитанников является «доставить возможность юношеству из бедных дворян и других почтенных сословий Закавказского края и горских племен получить некоторое образование» [8, с. 549]. Педагогами в школах работали офицеры русского и кавказского происхождения и вольноопределяющиеся. По окончании школ воспитанники их несли военную службу в русской армии или возвращались к родителям и определялись ими на гражданскую службу [9 с. 33].

В пореформенный период большое распространение получили и горские школы. В 1863 и 1871 годах были открыты горские школы в Грозном и Назрани для чеченских и ингушских детей, а в 1886 и 1888 годах – в Майкопе и Лабинске для детей адыгов. Такая же школа была учреждена в ауле Мансуровском в 1877 году и для ногайских детей. Глубоких и прочных знаний детям эти школы дать не могли. Перед школами стояли узкие задачи – научить чтению, письму и счету, ознакомить с историей и географией российской. И, тем не менее, они необходимы были горцам, так как знакомили их с русской культурой, а через передовых русских и горских учителей – с произведениями русских пи-

сателей и памятниками своего народного творчества. Это характерно было в особенности для Карачаево-Черкесии и много лет проработавшим здесь передовым учителям: М. Алейникову, Л. А. Гриневичу, А. Басону, Б. А. Витковскому. Последний являлся создателем при школах образцовых питомников и пасек, где обучал детей уходу за растениями. Другой прогрессивный учитель Н. И. Кириченко был собирателем карачаевского фольклора и составителем первого Русско-Карачаевского словаря [10, с. 279].

Поборниками народных школ в Карачаево-Черкесии были первые учителя коренных национальностей (И. Байрамуков, Х. и С.Халиловы, И. Хубиев, Т. Биджиев, Н. Токов и другие), получившие образование в кавказских и русских учебных заведениях. Преодолевая упорное сопротивление представителей мусульманского духовенства и попавшей под ее влияние некоторой части горцев, они отстаивали для них светские, в том числе и женские, школы. Но, несмотря на отчаянные попытки мулл с целью недопущения горянок в правительственные школы, некоторым из них (например, балкаркам Х.Абаевой, Ф.Шакмановой, кабардинке Ураковой и другим) все-таки удалось закончить учебное заведение “Святой Нины” в Тифлисе в 1872 году и успешно трудиться на поприще просвещения [11, с. 55].

Во второй половине XIX века для кавказских горцев были открыты и другие горские школы: Нальчикская – для Кабардино-Балкарского населения в 1860 г. [12, с. 432], Грозненская – в Чечне 1863 г. [13], Майкопская – в Адыгее 1863 г. [14, с. 67], Назрановская – в Ингушетии 1871 г. и Сухум-Калинская – для абхазцев 1871 г. [15, с. 266.]. При этом Нальчикская и Назрановская, как и Владикавказская, были трехклассными окружными школами, приравненными по положению к уездным училищам.

Более быстрыми темпами развивалось школьное образование в казачьих станицах. Одноклассные училища были открыты в станицах Прохладной (1866 г.), Солдатской (1871 г.), Пришибской (1872 г.), Екатериноградской (1873 г.), Котляревской (1876 г.). Например, к концу XIX века в станице Прохладной функционировало три школы: станичная одноклассная (более 100 детей), церковноприходская (около 50) и женская (около 500) [16 с. 438]. Говоря об улучшении постановки сельского образования, газета «Терские ведомости» в 1897 году писала: «30 лет в Прохладной дети только 7 – 10 самых богатых семей учились в тесной с глиняным полом каморке. Теперь в станице школа – первое здание после церкви, 3 учителя и учительница» [17].

Открытие школ, появление культурных деятелей и общественных мыслителей было поступательным движением. Знаменательным в этом направлении было появление сельских школ. Так, в 1861 году были открыты одноклассные школы в с. Ахты Самурского округа на 44 человека, Костеке, Хунзахе, Хаджал-Махи, Каякенте, Ботлихе, Гумбете. В 1870 году – двухклассные школы в Чирюрте, Касумкенте, Дешлагаре, Маджалисе. В 1878 году были открыты училища в Учкулане, а затем и в Тебердинском, Бибердовском, Карт-Джуртском, Хурзулукском, Джегутском и других аулах и селениях.

В 1875 году были образованы кабардинские аульные школы с преподаванием русского языка в с. Кучмазукино, Куденетово, Шарданово. Детей в них

обучали учительницы Х. Абаева, Н. Уракова, Е. Мазаракия и другие выпускницы женской Ольгинской школы [18, с. 104]. Однако из-за отсутствия необходимых материальных средств (школы содержались только за счет населения) и острой нехватки учительских кадров, они были закрыты в 1877 г. и до середины 90-х годов XIX века в Кабардино-Балкарии школы вообще не функционировали. И только во второй половине 90-х годов по инициативе самого населения были открыты школы в 27 селах, дававшие горцам лишь начальное образование. А в 1909 году на базе Нальчикской Окружной горской школы впервые было создано среднее учебное заведение – Нальчикское реальное училище с пансионом, подготовительным и шестью основными классами [19 с. 7].

Школы начального типа открывались во второй половине 70-х годов и в адыгских селах Хаштуке, Суворово-Черкесске и Хапурино-Забле. В 1886 году в Майкопе, а в 1888 году в Лабинске начали работу горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища, где в основном обучались дети адыгов. В Чечено-Ингушетии были открыты 2 горские школы: в 1863 году в Грозном – трехклассная, один из которых был подготовительным, и в 1870 году в Назрани – одноклассная с подготовительным отделением. При этих школах имелись пансионы. Но этого явно было недостаточно для области. Многочисленные просьбы и ходатайства ингушей в 1876 г. перед Терской администрацией о разрешении создать на свои средства школу в селении Сурхохи окончились безрезультатно, и ее открытие состоялось лишь в 1911 году. Поэтому к концу XIX века вся Чечено-Ингушетия обходилась только двумя горскими школами, и лишь наиболее одаренным молодым людям удалось поступить в русские средние учебные заведения страны. В их числе были видные ингушские просветители Адыль-Гирей Долгиев, Чах Эльмурзиевич Ахриев и художник Захаров, чеченец по национальности. Что касается Осетии, то к концу XIX века здесь было 72 школы, в том числе школы грамоты, воскресные, частные, церковноприходские и министерские начальные, в которых обучалось 4500 детей, из них – 450 девочек [20 С. 543]. В Дагестане к концу XIX века насчитывалось всего 26 школ (с преподаванием на русском языке), из них 14 городских и 12 сельских. Во всех 26 школах обучалось 1896 учащихся, из них 495 девочек. В селах, где проживало более 95 % населения, было охвачено светским обучением 25 % от общего числа учащихся в Дагестане.

Таблица 1. Уровень грамотности северокавказского населения (по данным переписи 1897 г. в %)

Национальность	Число владеющих русской грамотой	Число владеющих грамотой на других языках
Чеченцы и ингуши	0.3	1.9
Осетины	5.7	0.3
Кабардинцы	0.7	3.1
Адыгейцы и черкесы	1.2	7.8
Карачаевцы	1.5	3.1
Балкарцы	0.3	1.1

Как видим, к началу XX столетия на Северном Кавказе существовали следующие основные типы школ: православного духовного ведомства – миссионерские и церковноприходские, государственные школы общего типа – земские, ведомства Министерства народного просвещения и русско-инородческие; конфессиональные мусульманские – мектебы, медресе [21]. Обеспеченность школами горского населения была неодинаковой. В сравнительно лучшем положении находились русские станицы, в которых на средства казачьего войска открывались училища разных типов. Всего в 1901 г. в них насчитывалось 22 министерских училища и 7 церковноприходских школ. Но даже при этом вне школы оставалось до 40 % сельских детей, подлежащих обучению, в особенности, в Чечне и Ингушетии, где было всего две школы. Столько же школ функционировало в Хасавюртовском национальном округе Терской области и немногим больше в Карачаево-Черкесии, в которых обучалось не более 10 % детей школьного возраста [22, с. 286].

В очерке И. Мутушева «Школа и Чечня», напечатанном в газете «Терек» за 1908 год, отмечалось: «При общей неудовлетворенности постановки школьного вопроса как в смысле количества, так и качества школ – то и другое в Чечне является нищенским». Попросту говоря, продолжал он, школ там почти не было. За это автор очерка винил не только правительство, но и шейхов, создававших у населения превратные представления о русской школе. По его словам, такое положение складывалось также из-за малочисленности и необразованности чеченской интеллигенции [23].

Таким образом, период со второй половины XIX – начала XX веков ознаменовался более быстрым развитием школ и педагогической мысли народов Северного Кавказа, протекавшем в условиях ломки старых крепостнических порядков, проникновения в их жизнь капиталистических отношений, борьбы с засильем в школе Ислама. Школа и педагогическая мысль находились в непосредственной зависимости от политических и социально-экономических перемен, происходящих в стране. Эти перемены обуславливали и задачи противоречивого просветительского курса правительства на Кавказе.

Противоречивость школьной политики правительства на Кавказе выражалась в том, что, с одной стороны, правительство стремилось унифицировать школы края со школами внутренней России, без учета местных особенностей, а с другой, ограничивая детям неимущих горцев доступа в средние и высшие учебные заведения, общественную и частную инициативу, создавало особые привилегии для княжеско-феодальной знати. Оно сохраняло сословно-крепостнические пережитки в школьной системе образования. На пути к созданию подлинно демократической школы было еще много преград, однако несмотря на ограниченность программы и большие педагогические и организационные недостатки, все типы учебных заведений в крае все же давали учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

Список используемых источников:

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1268. Оп. 10. Д. 80. Л.2.
2. Кавказский календарь на 1872 год. Тифлис. 1871.
3. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1879 год. Тифлис, 1898.
4. Пискунов А.И., Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М. 1976.
5. Аристова Т.Ф. Развитие народного просвещения // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.
6. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5.
7. Тотоев М.С История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.
8. Тамбиева З. Развитие народного образования в Карачаево-Черкесии за годы советской власти // Народное образование на Северном Кавказе. Ставрополь, 1974.
9. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
10. ЦГА РСФСР-А. Ф. 123 (Развитие педагогической мысли и школьного образования). Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
11. Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – нач. XX в.). Майкоп, 1957.
12. Терские ведомости. 1897. 6 ноября.
13. Копачев И.П. Развитие школы в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30 гг. XIX века). Нальчик, 1964.
14. Копачев И. П. Развитие школы в Кабардино-Балкарии (XVIII в. – 30 гг. XIX века). Автореферат дис. канд. пед. наук. 1960.
15. История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987.
16. Правительственный законопроект о всеобщем обучении в Государственной Думе // Социал-демократ. 1910. №18.
17. Мутушев И. Школа и Чечня // Терек. 1908. 4 июля.

© 2015, Хугистова Ф.Ш.

Общая характеристика школьной политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

© 2015, Khougistova F.Sh.

General characteristic of a school policy in the North Caucasus in second half of XIX – the beginning of XX centuries